

Надя Бирру

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

рассказы

Надя Бирру

Преображение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63830782

ISBN 9785005316783

Аннотация

Книга «Преображение» – это сборник повестей и рассказов, связанных событиями и общими героями. Она повествует об испытаниях, уготованных человеку на Земле с целью закалить его душу и привести её к духовному Преображению. Книга будет интересна как людям, уже вступившим на этот путь и достигшим определённой духовной зрелости, так и тем, кто делает первые шаги... или только собирается их сделать... или... она увлечёт тебя, читатель, подобно глубокому душевному разговору с близким и мудрым Другом.

Содержание

Преображение	5
ПРЕОБРАЖЕНИЕ	5
РАФАИЛ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Преображение

Надя Бирру

© Надя Бирру, 2021

ISBN 978-5-0053-1678-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Преображение
ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ
2009—2014**

**ПРЕОБРАЖЕНИЕ
повесть**

*Да исправится молитва моя
Яко кадило пред тобою...*

– Нас мама учила: на мужчин нельзя даже взглядывать, нельзя смотреть в глаза. Ведь когда встречаешься взглядом – это уже взаимодействие.

*– Да? А я всегда... взаимодействую.
(из разговора двух подруг)*

В этот день, когда она, преисполненная решимости, пришла на первую в своей жизни исповедь, дверь храма была закрыта.

– Что за безобразие! Сергей уехал – и нет никакого порядка! – проворчала рядом крупная сердитая старуха.

Она посмотрела на часы.

– Не волнуйтесь, ещё без пятнадцати девять.

Старуха взглянула на неё зло и подозрительно, и сердито отмахнулась, как от мухи:

– Молчите, если не знаете.

В этот день всё имело свой смысл и цену. Она знала, что злая сила, так долго державшая её в плену, не захочет отступить без боя, поэтому всё объяснимо: и запертая дверь, и ворчание старухи...

Но – было такое прекрасное солнечное утро в самом начале весны. Утро пробуждения к новой жизни. Да, так случилось: она прозрела и бросилась в храм. Исповедь и Причастие сейчас были необходимы, как воздух, как сама жизнь!

Откуда-то появился молодой человек в синем служебном халате. Молодой, но по православному – с усами и бородой, отливавшей рыжим в первых солнечных лучах. Он неторопливо поднялся по ступенькам храма и большим старин-

ным ключом отпер тяжёлую, окованную железом дверь храма Воскресения Христова.

«Символично!» – подумала она, вступая под церковные своды.

Прими меня, Господи! Я так страдаю! Я так виновата пред Тобой!

Она уже однажды пыталась исповедоваться – без осознания необходимости, просто под давлением крестной и пока не спеша тянулось время беременности. И надо же так случиться – пришла в храм в день родов! Она простояла тогда почти всю службу, поглядывая то в один, то в другой угол храма, но так и не поняла тогда, где и когда будет происходить исповедь. Схватки (она не понимала ещё, что это они и есть) становились всё сильнее, и она вынуждена была пойти домой, так и не получив того, зачем пришла.

Теперь, чтобы не повторить ошибки, она подошла к тому служке в синем халате – он спокойно сидел на скамейке, что шла вдоль стены в центральной части храма, – и спросила:

- Скажите, пожалуйста, где будет исповедь?
- Во-он в том пределе, – он указал рукой.
- Спасибо.

Шла пятая неделя Великого поста. Служилась литургия Пеждеосвященных Даров. Церковное чтение и пение, вздохи и поклоны молящихся, сам воздух храма, наполненный благовониями, клубами дыма, пронизанного теплом солнечных лучей, а больше – та незримая другим драма, которая происходила в её обратившейся от тьмы к свету душе, – сотворили с ней то, что она почти всю службу простояла на коленях, лишь изредка устремляя взор в алтарь, являя всем сторонним наблюдателям классический образ кающейся грешницы.

...Устремляя свой взор в алтарь, где в клубах дыма и сверкания священнических одежд происходило сейчас одной ей внятное таинство: соединение с Божеством. Это было венчание – единственное, доступное ей на Земле.

Ах, почему я не ждала! Зачем я не хранила себя, своё целомудрие?!... Было ли оно у меня хоть когда-нибудь?.. Никогда мне не предстать перед тобой, Господи, посреди храма в белом одеянии под белым покровом невесты с незапятнанной душой и чистым телом, рядом со своим избранником. Никогда, Господи, никогда, и это я сама виновата, я сама себя осквернила – и душу, и тело, я сама предалась нечистым страстям и распутству, но ты не оставил меня, Господи, Господи, радость моя, блаженство моё! И что я сейчас плачу – от горя о своей душе или от радости быть с Тобой снова – я не знаю!

Да исправится молитва моя
Яко кадило
Пред тобою.
В воздеянии
Руку мою
Жертва вечерняя...

Наступила минута – священник вынес из алтаря Чашу, и она подошла...

Она стала бывать в храме очень часто, одна, и вместе с двухлетним сыном, которого срочно окрестили в П-ском монастыре.

Ведя за руку сынишку, который тащил за собой по лужам машинку, сопровождая это действие неизменными шумовыми эффектами «бж-ж-ж, бу-у-у», почти у ворот храма она столкнулась со священником, которого не видела здесь раньше. У него была длинная густая чёрная борода, пронизанная серебряными нитями, маленькая фиолетовая шапочка на голове и необыкновенной красоты пронзительно ясные, всё замечающие голубые глаза. Одним взором он окинул фигуру приближающейся молодой женщины с малышом, а затем пристально взглянул ей в глаза, как врач, определяющий серьёзность болезни. В ответ на него взглянули кристально чистые, детские и очень печальные глаза. Что-то переверну-

лось у него в душе от этого взгляда, на сердце стало горячо.

«Монах», – тут же окрестила она его про себя и добавила мысленно: «Ишь, монах, а как смотрит!»

Настоятель отец Сергей постоял у калитки ещё несколько минут, прислушиваясь к своим ощущениям.

Да, монах, как верно с первого взгляда она его «раскусила». Он давно уже жил без жены, которая не приняла его служения, и давно уже научился держать в узде свои чувства по отношению к женскому полу, а сейчас вот что-то предательски шевельнулось в душе. Вспомнилось из прочитанного ещё в молодые годы: «Нет на свете человека, какие бы клятвы и обеты он ни давал, который бы остался равнодушен к женской красоте».

Да, уж слишком красива, такой тревожащей и незащитной красотой. И потом – он был уже достаточно опытен в духовных вопросах, чтобы понять: у этой души какое-то огромное непосильное горе.

Он всё ждал, что она придёт к нему с исповедью или сойдётся поближе с кем-нибудь из прихода, чтобы можно было выяснить, что там у неё стряслось, можно ли чем-то помочь. Но нет, несмотря на то, что она бывала чуть ли не на каждой службе, она ни с кем не сходилась: вставала где-нибудь в уголке, закрывала глаза и всю службу беззвучно плакала.

Потом начала потихоньку подпевать хору. Служа в алтаре, он слышал этот новый тоненький голосок, и служба шла чуть-чуть иначе, точно она помогала ему молиться.

Верующие полюбили и её, и шустрого мальчишку – здоровались, улыбались, угощали мальчика конфетами. Он был юркий, черноволосый, черноглазый и всегда пребывал в самом прекрасном настроении. Его звали Владимир. Её – Мария.

Долгое время её по жизни вели сны. Не было ни одного мало-мальски значительного события, ни одной новой встречи, ни одного поворота на жизненном пути, о которых её не известили бы заранее. Сначала всё происходило там, затем – с потрясающей точностью – здесь, на земле, в реальной, как принято говорить, жизни.

За несколько месяцев до её обращения ей приснился такой сон: гористая местность, по которой она блуждает со своей сестрой. Вдруг появляется огромный чёрный бык с рогами, как у лося или оленя и начинает преследовать её, а сестра сидит на земле, наблюдает и не предпринимает ничего. Бык гоняется за ней повсюду, куда бы она ни пошла, куда бы ни спряталась. Каким-то неведомым чутьём он всегда точно угадывает, где она, и тут же устремляется к ней, а, найдя, так радуется, скачет, встаёт на дыбы, кувыркается через голову, она боится, что он раздавит её во время своих прыжков и надеется, что он сломает себе шею, но нет, он снова

цел и невредим, и снова ищет её повсюду. В конце сна чёрный бык загоняет её в какое-то отгороженное место, вроде палисадника. Она спряталась за колючими кустами в надежде укрыться, но он снова находит её, без размышлений просовывает голову сквозь колючки и радостно улыбается...

Вот по этой самой улыбке она его и узнала. Да и мудро было не узнать, когда сон опять, как и многие другие прежде, сбывался во всех деталях.

Прошло совсем немного времени после её прихода в храм, и она стала замечать, что и здесь, в церкви, как и в миру, она оказывается предметом постоянного мужского внимания. «Господи! Господи! Сделай что-нибудь! Зачем ты создал меня такой, что мне негде укрыться! Даже с Тобой не могу поговорить наедине – везде, везде эти липкие взгляды, эта возня, беготня, заглядывание!»

Впрочем, постепенно все успокоились, только не Саша – тот самый сторож в синем халате, что в первый раз открыл двери храма. Теперь он стал серьёзным препятствием для молитвы. Собираясь каждый раз в храм, она с мучительным чувством сознавала, что он там, что ей никуда не деться от встречи. Не бывать в церкви она тоже не могла – церковная служба была единственным средством, облегчающим боль от свежей душевной раны, боль, вытерпеть кото-

рую в одиночестве, без помощи свыше, она была не в силах. Но ни в пустом храме, забившись в самый тёмный уголок где-нибудь за печкой, ни в праздничной тесной толпе, смешавшись с народом, всякий раз меняя место, она не чувствовала себя в безопасности. Непостижимым образом он тотчас отыскивал её, и всякий раз у него находилось дело где-нибудь в непосредственной близости от неё – то подлить масло в лампадку, то поставить свечу, что-то достать или передвинуть. Каким-то шестым чувством он угадывал, где она, и продирался напрямик через толпу, а когда оказывался рядом, она ясно ощущала идущее от него некое горячее дуновение и радостное ликование, которое пробуждалось в нём, когда он её видел. Но видеть для него было мало: он пытался заговаривать с её ребёнком, который мужественно, точно догадываясь о чём-то, игнорировал его внимание. Иногда, впрочем, и отвечал. Раз в воскресный день, выстраивая народ к Причастию, он в толпе прижался к ней спиной и замер так. Стиснутая со всех сторон народом, она не могла сразу отодвинуться, и с ужасом чувствовала, как пульсируют между ними чувственные токи – и это после исповеди! За пять шагов до Причастия!

«Хотя бы была ещё одна церковь! – молилась она, – или он куда-нибудь бы делся!» Временами она ненавидела себя. «Господи, если бы я была уродлива, он оставил бы меня в покое! И никто не мешал бы моей беседе с Тобой!»

То вдруг начинала ненавидеть его, стыдясь собственных чувств – и ненависти, и слабости.

Закончились дни поста – первого в её жизни, наступила Пасха, Ах, какое это было время! «Так вот зачем пост! – с восторгом думала она, – это как временная смерть, а теперь воскресение!» Каким непостижимо таинственным и торжественным было это пение в ночи: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангелы поют на небесах, и нас на земле сподоби чистым сердцем Тебе славить». И крестный ход вокруг храма, в темноте, в слабом свете дрожащих свечей. И мощный ответ верующих на радостный возглас священника. Душа её, как и весенняя природа, пробудилась к новой жизни. «Христос воскрес! Христос воскрес!» – казалось, пело и кричало всё вокруг.

Радостно, как одно мгновенье, пролетела Светлая седмица. Покатались весенние деньки с богатыми воскресными крестными ходами. Наступило лето. Вот уже и Троица. Узнав, что служба будет идти долго и что самый важный её момент – это чтение особых коленопреклоненных молитв, она пришла как раз к этому времени. Церковь битком набита была молящимися, оставался только небольшой свободный проход к иконе праздника. Она тихо пошла между рядами и опустилась на колени посреди храма, перед праздничной иконой. Священник, стоя на коленях, читал с амвона долгие,

исполненные чудных прошений молитвы. Воздух храма был напоён запахом берёз, пронизан теплом льющихся из-под купола солнечных лучей. Молодые белостволовые берёзки с чуть поникшими кудрявыми локонами возносились над пёстрой толпой народа. Все стояли на коленях, со склонёнными головами. Было тихо и по-особому торжественно. С улицы через распахнутые двери вливался свежий воздух и голоса возившейся в церковном дворе детворы.

Мария стояла на коленях среди народа, отрешённо прикрыв глаза, когда почувствовала какое-то шевеление. Она открыла глаза. Это Саша на глазах у многоголовой толпы пробирался прямо к ней. Она замерла в ужасе, сердце болезненно заколотилось в груди. На открытом его лице была написана решимость и – мука. Не дойдя до неё одного-двух шагов, он упал рядом на колени и начал горячо молиться. В этот миг она вдруг почувствовала, как он страдает. И тоже стала молиться – за него: «Помоги ему, Господи! Дай ему свободу от обуревающей его страсти! Успокой! Утиши! Найди какой-нибудь выход! Услышь меня, прошу! Ты же Всемогущий, Всеведущий!»

С тех пор место греховных переживаний и неприязни заняла молитва за него. До этого момента она видела в нём врага, посягающего на её счастье и будущее – ведь она ждала мужа, верила в его возвращение и собиралась сохра-

нить верность своей любви несмотря ни на что, а тут – чёрный бык с лосиными рогами! Но теперь она увидела в нём жертву – такую же, как она сама. Бедный человек – жертва страсти, косвенной виновницей которой является она.

Однако – как слабо человеческое существо, как подвержено искушениям! Вынужденное внимание к чужому мужчине сделали то, что, несмотря на все свои усилия, она больше не была к нему равнодушна.

Пришлось молиться теперь уже за себя и раз за разом повторять священнику на исповеди один и тот же грех.

Ей мало уже было приходить в храм только на молитву – хотелось прийти потрудиться в храм, делать что-то полезное, но Саша – правая рука отца Сергия, – вместе со своим другом-звонарём Алексеем всё время был тут как тут, вмешивался во все дела, без него в храме не проходила ни одна служба, ни одно событие. Он был сторожем, чтецом, водителем, а с некоторых пор начал ещё петь в хоре, читать молитвы и Шестопсалмие. У него был приятный довольно сильный голос, причём он мог петь как тенором, так и басом. Алёша был более застенчив. Он тоже пробовал и петь, и читать на клиросе, но ему это пока не давалось.

В будничные дни народу на вечерней службе было мало,

но Надя особенно любила именно эти тихие, уединённые молитвенные вечера. Ничто на свете не давало её душе такого покоя и отдыха от всех забот и страданий, как эти полтора часа в пустом храме. В середине службы Саша в белой рубахе с книгой в руках выходил на середину храма читать Шестопсалмие. Усердные бабушки тут же гасили все свечи. В храме воцарялась необыкновенная внимающая тишина, и в этой тишине звучал его голос. Читал он очень красиво, с какой-то внутренней затаённой силой и дрожью. Казалось, это не были слова Псалтири, написанные тысячелетия назад, но живое прошение, живая молитва страдающей человеческой души к Богу. Да, он говорил о себе, о своих печалях, исповедовал своему Создателю свои немощи, несовершенства и просил помощи в неравной жизненной борьбе. В такие минуты ей легко было молиться вместе с ним, и каждое его прошение было и её прошением.

С началом сентября Владимира отдали в Воскресную школу при храме. Рождество праздновали весело. Владимир выступал, читал стихи и вёл себя до того мило и по-детски непосредственно, что отец Сергей даже прослезился и сказал, добродушно смеясь и смахивая слезинки: «Да, жаль, мы не пригласили телевидения. Такого больше не увидишь!» А Саша в это время не только беззастенчиво фотографировал Марию во всех ракурсах и со всех сторон, но даже умудрился влезть к ней в кадр, когда она фотографировала свое-

го сына. Маша этого поначалу не заметила, а вот когда проявили плёнку – здравствуйте!

Время шло, а он не менялся. Однажды летом в конце воскресной службы, когда батюшка давал крест, и народ толпился в центре, у праздничной иконы, Маша услышала доносившийся с улицы плач своего сына и, развернувшись, поспешила к выходу. Саша чинно двигался навстречу в параллельном потоке. Вдруг в одно мгновение он резко изменил курс, рванулся ей наперерез, и она на полном ходу упала ему на грудь...

События в приходе шли своим чередом. Стало слышно, что отец Сергей в очередной раз прогневался на певчих и выгнал их. Теперь срочно собирают новый хор. Крестная Людмила Борисовна уже давно настойчиво подталкивала Машу к клиросу, но та упрямо сопротивлялась, видя в клиросе то самое «огороженное место, вроде палисадника» из своего сна, откуда ей не убежать от своего преследователя. Вон он какой, вообще без тормозов. Но обстоятельства складывались сами собой, независимо от её намерений. В душе она очень переживала за мужа, который вопреки всякой логике (правоверный мусульманин в мусульманской стране) снился ей пьяным, погибающим от пьянства со словами: «Кольцо снял, а душу утопил в вине». А тут в храме начали петь по воскресеньям акафист перед иконой «Неупи-

ваемая чаша», и регент любительского хора Ирина несколько раз настойчиво предлагала ей петь альтом. Да и отец Сергей благословил, сказав только: «Певец должен чувствовать себя раскованно, а она такая... застенчивая». Она согласилась. Саша со своим неизменным другом Алёшей тут же нарисовались рядом. Но вопреки её опасениям и согласно логике сна Саша повёл себя очень осторожно.

Ночью, накануне того дня, когда ей предстояло впервые вступить на клирос, она вдруг проснулась от страшного звука – нечеловеческого воя. Кровь похолодела в жилах, ибо она, без размышлений, сразу узнала, кому принадлежит этот голос... Итак, враг не хочет, чтобы она шла на клирос. Значит, надо выполнять благословение!

Первый раз она пела Литургию. Голоса певчих легко и свободно уносились под купол храма. Регент Ирина хотела, чтобы Маша пела вторым голосом, так как вторых голосов не хватало, но иногда разрешала ей петь и свойственным ей от природы высоким голосом... Точно так же, как она умела отличить Сашин голос от других голосов, так и он, прислуживая в алтаре, услышал её голос с клироса. В начале херувимской отворилась боковая дверь, Саша в облачении алтарника проскользнул на клирос и стал с нею рядом.

Но на клиросе ей не нравилось: веселье, разговоры, а ведь

она привыкла молиться всю службу и уже жить без этой молитвы не могла. Но какая молитва, когда тут постоянно дым коромыслом – и в основном по вине Саши. Он пел ещё и в профессиональном хоре, (который отец Сергей к тому времени простил и вернул на место, но несколько служб в неделю оставил для любительского хора) и переносил с собой царившую там атмосферу.

На клиросе Маша не без удивления заметила, что Саша так же безоговорочно нравится женщинам, как она мужчинам. Его трудно было назвать красавцем, но обаяния и жизнерадостности ему было не занимать.

Однажды после праздничной службы он, как пушинку, подхватил на руки Владимира, пронёс его через весь храм и занёс на клирос. Ребёнок прибежал к маме возбуждённый.

– Мама, мама, а этот дядя взял меня на ручки и отнёс туда!

– Какой дядя? – спросила она испуганно, уже заранее зная ответ.

– Вот этот дядя, с бородой! – и Владимир с детской непосредственностью указал на Сашу, который, опустив голову, стоял рядом с отцом Сергием у его красной машины.

– Тише, тише, не кричи, – она сжала и опустила ручку ребёнка, и быстро пошла прочь, а Владимир всё оглядывался на бородатого дядю, который теперь, не отрываясь, смотрел

им вслед...

Раньше на Руси время определялось по церковным праздникам: «Это было на Петровки, а то на Троицу». Теперь этот старинный народный язык начал быть внятн и Маше. Она сама жила от Пасхи до Рождества. Вот и ещё один Рождественский пост позади. Вечером любительский хор пел акафист с водосвятным молебном. Молебен закончился, на лицах прихожан сверкали капельки воды, на сердце было легко и радостно. Спели вместе умильную молитву «Царица моя преблагая, надежда моя Богородице». Народ подходил к кресту, когда Саша и певчий Сергей засуетились и начали таинственными знаками выманивать певчих в притвор. Регент Ирина и Жанна пошли, а Надежда и Маша остались.

– Буду я за ними бегать, – с достоинством сказала старшая. – Надо, так сами придут и всё скажут.

Все расходились после службы, в притворах уже погасили свет. Маша помогла маме одеться, и обе уже направлялись к выходу, как вдруг в узком проходе возник улыбающийся Саша, за ним в темноте маячила долговязая фигура Сергея.

– Вот, поздравляю с Рождеством, – Саша протянул ей розовую гвоздику и шоколадку. Она взяла сначала шоколадку – и улыбнулась. Как у него сжалось вдруг сердце от этой её

улыбки. Он столько раз видел её плачущей, задумчиво-серьёзной, погружённой в свои неведомые мысли. И вот она улыбается.

Когда они все вместе вышли из храма, Саша, ничуть не смущаясь присутствием родительницы, заговорил:

– Всё, пост закончился. Сейчас святки, время радоваться. Можно собраться всем хором у отца Виталия и отметить Рождество. Можно телефончик?

– У меня нет телефона, – строго ответила она. – Да и не люблю я такие вечеринки.

Но как трудно объяснить слепому, какого цвета молоко, так же трудно бывает страстно влюблённому поверить в то, что предмет его страсти не готов отвечать ему взаимностью. Казалось, такой ответ его ничуть не обескуражил.

В жизни, между тем, происходили перемены: освятили домовую церковь во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия при Высшей школе, так сбылась её мечта о другом храме. Теперь по выходным можно было молиться здесь и, таким образом, избегать встречи. В этом храме чтецом был младший брат Саши – Сергей, совсем непохожий на него – высокий, отрочески худой, светловолосый без рыжины, с особым мнением о себе и громким неустоявшимся

голосом. Когда он пел в хоре, Маше казалось, что это ревёт молодой осёл. Сходясь вместе в Воскресенском соборе, братья постоянно спорили из-за каждой мелочи так, что дело доходило чуть ли не до драки.

В это время отец Сергей затеял строительство новой церкви – во имя Нарвской иконы Божией Матери, по соседству с Машиным домом. Какой радостью стало для Машиного семейства это известие. Вместе с мамой и Владимиром они ходили на субботники, вычёрпывали воду из будущего алтаря нижнего храма в честь Праведного Иоанна Кронштадского, носили доски для строительства верхнего храма, убирали территорию, наводили порядок в старой бане. Тут Маша вполне влилась в приходскую жизнь, как ей давно хотелось, познакомилась с некоторыми активными прихожанами, из которых уже формировался новый приход. В это время она регулярно ходила на спевки любительского хора, который готовили для пения в новом храме. Руководил хором Николай – певчий из профессионального хора, бывший учитель музыки и муж регента Людмилы, женщины, обладавшей удивительно прекрасным голосом и столь же удивительно неуживчивым характером.

Отца Сергея перевели настоятелем в Таллинн. Воскресенский собор осиротел. Постепенно исчезли некоторые из приближённых отца Сергея: вышла замуж и уехала в Тал-

линн Алла – красавица-украинка, негласная хозяйка храма. Ушла «в отставку» монахиня-алтарница мать Варвара, уехала учиться в Москву Машина новая подруга – свечница Вера. Куда-то исчезли Саша и Алексей.

Маша не особо интересовалась всеми этими переменами: ходила в храм, растила сына, посещала спевки, занималась английским с детьми, получая от этого хоть какие-то средства на жизнь.

Когда после очередного года ожидания в третий раз отказали в виде на жительство в Эстонии ей и ребёнку, она чуть не сломалась. Казалось, всё, дальше так жить невозможно, ещё немного – и она сойдёт с ума. Она стала бояться чиновников и роскошных магазинов. Не могла спокойно говорить о самых простых вещах – душили слёзы.

В один из приездов отца Сергия на строительство нового храма она пришла к нему. Всё-таки пришла. Нет, то была не исповедь, а всего несколько слов попеременно с рыданиями:

– Батюшка, помогите, нам не дают вида на жительство.

– Как это не дают? Должны дать! – бодро начал он, готовый уже и сам расплакаться, так тронул его вид этого долго и мужественно сдерживаемого горя.

– Сделайте, что можете! Хотя бы просто помолитесь!

Она на миг припала к его благословляющей руке и быстро пошла прочь.

Странно, она поднималась в гору тем же маршрутом, которым бежала всего несколько минут назад, придавленная горем, но горя теперь не было. Было легко и радостно, точно чьи-то мощные руки приподняли с плеч давивший её годами груз, и вот слёзы бегут – другие, радостные, и её даже как-то неловко: зачем ходила, зачем беспокоила батюшку – ведь горя-то никакого нет?!

Впереди забрезжил просвет – суд. Последовала поездка в ставшие за время скорби родными Пюхтицу за благословением к отцу Рафаилу, и – рухнула стена мрака, и через обвалившиеся стены страшной тюрьмы она снова протягивала руки к свету, к людям, туда, где зеленела трава, росли цветы, порхали бабочки, где люди говорили о простом, улыбались друг другу, ходили в кино, слушали музыку, дарили друг другу подарки...

Время от времени Саша снился ей, а после возникал неожиданно: вот, в кожаной куртке, повзрослевший и возмужавший, подошёл и приложился к иконе, возле которой она стояла на коленях, а затем вошёл в алтарь... На Рождество, когда Надя самая последняя попала на исповедь и опоздала

к Причастию, и вот стояла у ступеней, ведущих на солею, заливаясь слезами, – дверь в алтарь распахнулась, и вышел отец Василий, а с ним, с правой стороны Саша, держа край плата...

От Веры она узнала, что Саша и Алексей учатся в духовном училище во Пскове.

В эти короткие встречи Маша чувствовала, как он изменился. Он больше не бегал за ней по пятам. Иногда, точно испытывая себя, нарочно проходил мимо близко, почти касаясь, и её уже не обдавало душной волной. «Ну, слава Богу, успокоился!» – радовалась она.

Неисповедимыми путями Господними она начала петь в профессиональном хоре, и очень скоро сделалась основной опорой регента. Вместе с ней пришли ещё двое певчих – Марина и Ираида. С последней они очень скоро стали закадычными подругами, хотя Ираида, работавшая педагогом в музыкальной школе, была значительно старше. На буднях чаще всего пели втроём – Коля – тенор, Мария – альт и Георгий – бас. Эти каждодневные службы были для неё и радостью, и мукой. Несмотря на сильный и красивый голос, на абсолютный слух и музыкальное образование певческая премудрость давалась ей с трудом. С Колей, страдавшим алкоголизмом, отношения сложились непростые. Он то восхи-

щался ею и её голосом, называл принцессой, то страшно ругался и изводил её бесконечными придирадками. Если он был в голосе и в хорошем настроении, их голоса сливались, звуча вместе мощно и в то же время трогательно.

У Коли был красивый сильный баритон, у неё – глубокий грудной альт, поражавший слушателей затаённой мощью – точно вздымающиеся в океане волны. Когда они вместе пели Литургию, это было наслаждением для них и для молящихся. Нередко растроганные пением люди подходили после службы поблагодарить.

Но пьяный он столько раз оскорблял её, что она убежала с клироса, измученная его грубостью и «обнюхиванием», а иногда и придирадками его ревнующей и больно жалящей жены. Временами на клиросе было так трудно, что если бы Господь не посылал свои тихие маленькие утешения, то и вообще было бы невозможно и надо было бы бежать без оглядки.

Впрочем, петь вдвоём с Людмилой, если та давала удобный тон, доставляло ей удовольствие. Но удобный тон регент давала редко, и обычно пение на клиросе было для Маши – кровь и слёзы. Очень выручал её Георгий. Это был спокойный тихий мужчина примерно Машиного возраста, который одно время служил в соборе дьяконом, но не вынес соблазнов, запутался и ушёл в какую-то секту. Потом вер-

нулся, но не вполне оправившись от своих заблуждений и – в качестве певчего. Впрочем, человек он был хороший, семейная жизнь его складывалась не особенно удачно, с работой в то время тоже были проблемы, так что, встречаясь каждый день на клиросе, они с Машей сошлись довольно близко, можно сказать, даже подружились. После службы, когда батюшка отдыхал в алтаре и готовился служить панихиду, они потихоньку беседовали о своём.

– Как эта Людмила к тебе придирается, как ты только терпишь!

– Ну, Георгий, что-нибудь терпеть обязательно надо... Мне вот, например, больше без танцев тяжело. Я раньше очень любила танцевать, и это занятие мне давало много радости. Опять же – и для фигуры полезно.

– А что теперь?

– Ну, я после первого поста сразу чуть не на Пасху потанцевала, а потом пришла к батюшке и спросила, а он сказал...

– А он сказал: «Нельзя, грех», да? Да не слушай ты их! Я раньше тоже был таким дураком. Думал, все батюшки святые... А что они могут? Пойдёшь к батюшке, он тебе скажет: терпи, молись, смиряйся, подохни от рака.

– Эх, ты, заблудшая овечка! – произнесла она с жалостью и лаской одновременно. Георгий сразу смягчился, улыбнулся смущённо:

– Ты, наверное, думаешь, что я такой безбожник, вообще

злодей.

– Нет, почему? Есть люди, хотя и неверующие, но очень хорошие. Я лояльно к этому отношусь.

– Да, я верю, но вера моя другая. Только ты никому не говори. А человек я очень хороший.

– А знаешь, это сразу заметно, что, хотя и верующий, но не православный. Я, когда тебя только увидела, сразу подумала: секта.

Коля, застав их в подобной дружеской беседе, временами ревновал и приставал в перерывах между пением: «Ты чего такая весёлая? Юрку увидела?.. А ты чего улыбаешься? Машку любишь? Смотри, стоят рядом и улыбаются!» С Георгием, как когда-то в Киеве с двоюродным братом, она могла говорить практически обо всём. Он хорошо понимал и то, что она ему говорила, а также то, что оставалось недосказанным. При этом отношения с ним были очень спокойные, лишённые чувственной окраски, и это было так приятно, так целительно...

Но вот и Пасха. Первая Машина Пасха как певчей. Какая радость! Какое ликование переполняло душу, которая рвалась из тела в небеса. Она отпела ночную службу, а утром, принарядившись по-праздничному, отправилась в свой храм – поставить свечу, посмотреть, как убрана к празднику эта маленькая милая церквушка, послушать

сладкий пасхальный перезвон. Это было удивительно: но после долгой ночной службы, поспав всего два-три часа, она чувствовала себя свежей, исполненной сил и энергии, и одновременно лёгкой, бесплотной. Рука, занесённая для крестного знамения, казалось, сама собой взлетала вверх, как наполненный гелем воздушный шарик. В ушах звучало самое прекрасное песнопение ночи: «Плотию уснув, яко мертв, Царю и Господи...» Ионафана.

Службы не было – настоятель, отец Виталий, служил ночью, – но в храме было оживлённо. Сновали служащие, инокиня мать Таисия с радостным лицом расставляла цветы. На чистом полу играли солнечные блики. Маша купила свечи и ставила их к иконам, когда услышала с крыльца знакомый голос:

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес! Когда приехал?

– Да вот только утром, побывал в соборе, – отвечал Саша, – заглянул к вам. А где отец Виталий?

– Ты отца Виталия не видела? – обратилась мать Таисия почему-то к ней.

– Нет.

Она сказала только одно слово, но стоявший на крыльце и до этого момента невидимый для неё Саша тут же вошёл

в храм, точно его потянули за невидимую верёвочку.

Вечернюю службу они пели вместе. Всё шло как обычно. Георгий всё время или стоял, или в перерывах между пением сидел рядом с Машей. Иногда они о чём-нибудь тихонько переговаривались. Все к этому уже привыкли и не обращали внимания, но для Саши это оказалось новостью.

На следующее утро после Литургии регент Людмила пригласила Колю, тенора Леонида Михайловича и Марию на поминки – очередную годовщину со дня смерти отца. Настроение у всех было праздничным и, по сути, поминки были только поводом собраться. Коля, повинувшись капризам своего зависимого от алкоголя характера, нагрубил Людмиле и Леониду Михайловичу, поссорился с ними и удрал, хлопнув дверью. Марию послали за хлебом.

– Не закрывайте дверь, – предупредил Леонид Михайлович своим мягким интеллигентным голосом, – сейчас Саша придет.

Она бежала за хлебом радостная и беззаботная, как девочка: теперь, когда он успокоился, её радовала предстоящая встреча, ведь они знали друг друга уже много лет, пережили трудные времена...

Он пришёл в своей любимой белой рубаше, как всегда, оживлённый и улыбающийся, и, едва переступив порог двери, объявил:

– А есть-то как хочется! Да, как трудно бороться со своим животным началом.

Маша тихо улыбнулась, отвернувшись в сторону. Ей казалось, она поняла тайный смысл его слов. В маленькой двухкомнатной квартирке с крошечной кухней и коридорчиком он был слишком близко, но Маша больше его не боялась.

Был прекрасный солнечный весенний день. В раскрытое окно врвались звуки с улицы, на подоконнике ворковали голуби. Маша заговорила о самом простом – Саша слушал её с преувеличенным вниманием. Вскоре Людмила, как подобает хозяйке, взяла инициативу в свои руки. Леонид Михайлович пристроился в кресле, Людмила на стуле, а им вдвоём отвели место на диване.

Хозяйка с воодушевлением рассказывала о паломнических поездках, Саша – о Пскове, о своей учёбе и особенно увлечённо – об Оригене. Он сидел, опершись на спинку дивана и широко раскинув руки, так что Маша чувствовала себя окружённой им со всех сторон, но в этом не было уже ничего плохого – не было страстного, а было тёплое,

дружеское... Так ей казалось. Слушая Сашу и одновременно прислушиваясь к себе, она ловила себя на том, что ей хорошо, весело и спокойно, а ещё приятно чувствовать себя маленькой и хрупкой рядом с сильным мужчиной. Сказано, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского, что тот, кто во Христе – новая тварь, но до этой меры надо ещё дорасти. Время от времени поднимали бокалы. Маша не пила, и никто не заставлял, только Леонид Михайлович сказал с улыбкой:

- Первый раз вижу женщину, которая так мало пьёт.
- Ну, вот и посмотрите, – парировала она.
- А я смотрю и люблюсь.

Время до вечерней службы пролетело незаметно. Вчетвером они отправились в храм, где уже собрались остальные певчие. В тот вечер она пела, как соловей, немного даже смущаясь своего сильного яркого голоса, которому, казалось, тесно было под огромным куполом храма. Было легко и радостно. Вот она и нашла свой ключик. Теперь она поняла: запретный плод сладок, и чем более она будет избегать его, стараясь быть недоступной, тем больше его будет тянуть к ней. Надо стать ближе, дружественнее, чтобы он увидел, что она – простой, обычный человек, и исцелился совершенно.

На следующий день был праздник иконы Божией Матери

«Живоносный источник». После литургии отслужили водосвятный молебен, и Саша в неизменной белой рубашке посреди храма разливал воду.

У Маши не было бутылки, но так хотелось попить святой воды. Она разыскала чашку, подошла сзади и попросила:

– Налей мне попить.

Первый раз она сказала ему «ты».

Время шло. Несмотря на учёбу в Пскове, Саша частенько появлялся на клиросе. Вдруг, неожиданно, над самым Машиним ухом раздавался его мощный красивый бас, а затем и сам он появлялся из темноты (если дело происходило вечером) – в белой рубахе, с неизменной улыбкой на лице. Его близкий голос, который заполнял всё пространство и которому нельзя было запретить приблизиться и слиться с её голосом, временами тревожил её. Но она быстро справлялась со своим волнением и отходила куда-нибудь в сторону.

Младший брат Саши Сергей поступил в духовную академию при Троице-Сергиевой лавре и тоже появлялся на клиросе во время каникул. Пел он тенором. Голос у Сергея со временем выровнялся и стал довольно приятным, вот только пел он по-прежнему очень громко, так что остальные

певчие старались держаться от него подальше.

Появился ещё один бас – Гриша, молодой, полный, покладистый парень, талантливый и необыкновенно смешливый. Его голос был даже сильнее, чем у дьякона Андрея, которого верующие называли вторым Шаляпиным и «праздничным дьяконом». Несмотря на высокий рост и внушительные габариты, дьякон Андрей был ещё очень молод. На Пасху он любил приходить на клирос, дарить певчим яички и христосоваться, подставляя свои нежные, точно у девушки, пухлые щёки. Взяли нового регента – эстонку Ксению, только что получившую диплом регента. И вот когда вся эта кампания собиралась на клиросе, здесь поднималось невообразимое веселье, а хор звучал потрясающе мощно. Но веселиться вместе только во время службы для этой молодёжи было недостаточно.

Во время летних каникул Саша подружился с одной из певчих – Мариной и новым регентом Ксенией. Регентовала Ксения неважно, пела и того хуже, но в остальном была милой и весёлой девушкой. Марина была порядком постарше, но выглядела очень хорошо, обладала острым и насмешливым умом, разговор её был боек, и она с удовольствием проводила время со своими молодыми друзьями. После службы домой они уходили втроём.

Но идиллия продолжалась недолго. Довольно скоро Саша стал появляться только в обществе Марины, а Ксения убежала после службы точно ошпаренная. Маша со стороны наблюдала за Сашиними похождениями, и временами ей казалось, что только она одна понимает, что происходит на самом деле. Жаль было Ксению. Жаль было и Марину, которая, казалось, не на шутку увлеклась весёлым молодым парнем, а между тем было ясно, что у него теперь только две дороги: либо монашество, либо – женитьба на девственнице и – священство. А Марина уже несколько раз была замужем.

– Женишься? – как-то спросила Людмила прямо на клиросе. Саша стоял рядом с Машей, и она невольно перевела на него взгляд. Он неопределённо пожал плечами.

Как-то после службы Маша и Георгий вместе возвращались домой, и Георгий неожиданно заговорил о Саше.

– Голос у него, конечно, хороший, но петь с ним одну партию мне удовольствия не доставляет.

– Да? А почему?

– Знаешь, он какой психованный? И вообще грубый. Тут я ему на днях задал простой вопрос, даже точно не помню, какой: то ли «придёшь вечером?», ну, чтобы мне самому не приходиться, а он, знаешь, что сказал?

– Что?

– Не твоё собачье дело!

– Да ты что!

– Да! А ты знаешь, что он вообще раньше был наркоманом?! Его отец Сергей вытянул и на ноги поставил.

– Ну, раньше... – Маша примолкла, удручённо. Трудно было поверить, что Саша подобным образом разговаривает с Георгием. – Все мы откуда-то пришли в храм. Не от счастливой жизни. Сейчас даже вспоминать не хочется.

Летом певцов на клиросе было много, особенно мужских голосов, так что иногда они высказывали желание петь службу мужским составом. Воспользовавшись такой ситуацией, Маша отпросилась у регента и на несколько дней и уехала в Пюхтицу.

Как хорошо и спокойно было в монастыре. Никакие житейские бури и страсти не проникали за толстые старинные стены. Хорошо было молиться в чистом высоком храме, присоединяя свой тихий голос к высоким голосам поющих сестёр. Хорошо было ходить на послушание, знакомиться с верующими, которые со всех сторон приезжали отдохнуть душой в этот райский уголок. Хорошо было вновь встретить старых добрых знакомых – матушку Зиновию, матушку Федосию, которые за все эти годы стали как родные.

– О, приехала Мария! А где Владимир?

А у Владимира всегда находилось тысяча дел в монастыре и столько же мест, где он должен был побывать и поучаствовать в общем труде. То он появлялся с рабочей тележкой, то мокрый с ног до головы, потому что только что усердно помогал поливать теплицы, то приносил маме кусочек пахучих сот с мёдом – угощение монахини за оказанную услугу.

Как-то после обеда Маша убирала столовую после общей трапезы. Был солнечный тихий день в начале августа. Вокруг был разлит небывалый покой и послеобеденная тишина, не нарушаемая никакими звуками. Солнечный свет падал из маленьких окошек на старенькую клеёнку, которой были покрыты сдвинутые вместе столы. Вытирая эту клеёнку, Маша испытала вдруг странное чувство: как будто всё это уже было однажды – и эта тишина, и этот солнечный день, и запах постной пищи, и не так – не на мгновенье, не на несколько дней, а как будто она когда-то жила в монастыре долго-долго...

В первое же воскресенье по её возвращении на клиросе царило необычайное оживление. Опять Саша всех баламутил, звал пойти на речку, отдохнуть на природе, попеть романсы. Его белая рубаха мелькала то здесь, то там.

– Можно взять с собой детей! – призывал он.

– А что, Мария, может быть, пойдём? – воодушевилась Ираида. Похоже, Сашино красноречие и энтузиазм подействовали и на неё. Маша улыбнулась понимающе, на минутку призадумалась, а затем отрицательно покачала головой. Лишние волнения ей ни к чему – измученному сердцу хотелось одного – покоя. Пусть веселятся без неё. – Вы идите, если хотите, а мне хочется домой.

Сергей тоже попытался её уговорить:

– Пойдёмте, а то как же мы без вас петь будем?.. А там и солнце, и речка, и мы!

– Нет, Серёжа, это не моё, я люблю дома, с книгой.

Таким образом она проигнорировала и первый, и второй поход, хотя весёлая компания поджидала её на улице.

Как-то после спокойной вечерней службы Маша последняя сошла с клироса. Когда она выходила из храма, Марина и Ксения были уже в воротах и поджидали Сашу, который при её появлении склонился зашнуровать ботинок. Она как раз проходила мимо, когда он вдруг запел во весь голос:

Скажите, девушки, подруге вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтая,
Что всех красавиц

Она милей и краше,
Что сам хотел признаться ей,
Но слов я не нашёл.
Очей прекрасных
Огонь я обожаю,
Скажите, что иного я счастья не желаю,
Что нежной страстью, как цепью, я прикован,
Что без неё в душе моей тревоги не унять.
Когда б я только смелости набрался,
Я б ей сказал: «Напрасно ты скрываешь,
Что нежной страстью сама ко мне пылаешь,
Расстанься с хитрой маскою и сердце мне отдай...

Она быстро пошла вперёд, но его голос летел вслед, точно преследуя её. Маша чувствовала, что он поёт для неё – и это откровенное признание пугало и шокировало её, а он, несмотря на шуточный протест своих барышень, уже начал следующий романс, причём голос его становился всё громче по мере её удаления:

Ни сна, ни отдыха измученной душе,
Мне ночь не шлёт надежды и спасенья,
Всё прошлое я вновь переживаю
Один в тиши ночей...

Когда она ушла на порядочное расстояние, голос оборвал-

ся. «Так вот какие романсы петь ты звал на речку!» – она чуть не плакала от досады и смятения. Скорей бы он уже уехал, что ли! Слишком уж беспокойно, когда он здесь.

Мне плохо, и я хочу написать тебе письмо. Совсем маленькое. Много раз в моей жизни я «отворачивалась» от тебя, увлекаясь кем-то другим. И вот опять! Но теперь я этого не хочу.

Я так молилась, чтобы он успокоился! И вот сейчас он спокоен, ни к чему не придерёшься, зато беспокойна я сама. Раньше я вообще была такая, моё «я» постоянно играло в эту игру. Сейчас я вне этого и вот только в отношении этого одного человека...

Помоги мне, любимый, помолись за меня! Я не хочу думать ни о ком, кроме тебя. Я знаю, теперь знаю, как это больно и как неправильно. Услышь меня и помоги мне!

*Не различайте нас, чужие голоса,
Не разделяйте нас,
лучи ненужных взглядов,
когда для нас отверсты небеса,
И ничего нам вашего не надо.*

*Единство замкнутых и спаянных кругов
И навсегда пересечённых линий,
И общих снов,*

И несказанных слов, —

Не разбавляйте нас своей судьбой, другие!

*Я навсегда, всегда тебе верна,
Такой живу, такой хочу остаться,
А для других – стена, стена, стена,
Им никогда до нас не достучаться.*

*Не различайте нас, чужие голоса,
Не разводите нас, чужие руки.
Наш каждый стон учтён на небесах
И вздох благодарения за муки.*

Любовь не умирает. Она ни капельки не убyla с тех пор. И теперь, столько лет спустя, я люблю тебя ничуть не меньше, а может быть даже больше, потому что теперь я знаю то, чего не знала тогда: я не забуду тебя никогда.

Наступил Успенский пост, а с ним один из красивейших двенадесятых праздников года – Преображение. Маша так любила этот праздник: с верхнего клироса церковь в праздничном убранстве казалась невестой. Огненными букетами пылали исполненные свеч подсвечники перед иконами, яркая толпа народа заполнила храм, перетекла в пределы. А в центре, перед праздничной иконой красовались столы, сплошь уставленные корзинами и тарелками с фрукта-

ми. Были здесь и налитые соком виноградные гроздья, и яркие нектарины, и вызывающе алеющие в солнечном свете помидоры, и, конечно же, яблоки, ведь недаром в народе это праздник зовётся Яблочным спасом. Маша тоже взяла корзинку отборных яблок из собственного сада, чтобы освятить и угостить певчих. После службы она быстро слетела вниз, схватила свою корзинку и сразу вернулась наверх, где певчие убрали ноты в шкафчики по партиям. Все обрадовались угощению, брали яблоки, хвалили их вкус, благодарили хозяйку. Только Саша, обычно такой бойкий и находчивый, отошёл к проёму и что-то высматривал внизу, в храме. Маша окликнула его, первый раз назвав по имени. Он тут же обернулся, подошёл и скромно взял одно яблочко.

– Бери ещё!

Праздничное настроение сохранялось и на вечерней службе. Пели на нижнем клиросе. Пристроившись напротив, Саша почти не отрываясь смотрел на неё с какой-то новой улыбкой, которая, говорила: «Ага, попалась, лёд тронулся!» После службы она, как обычно, осталась на клиросе, выслушала проповедь и, по своему обыкновению, уходила последняя. На скамейке оставалась только её маленькая сумочка, рядом с которой лежала красивая спелая груша. Маша взяла грушу с задумчивым видом. Спросила Ксению, Марину – нет, они ничего не знают, сами не угощали и не видели, кто

положил. А Саша уехал в Пюхтицу. Следом за ним на выходные уехала и Ксения. На время жизнь вошла в обычную размеренную колею.

Без Саши было хорошо, спокойно. Жизнь шла своим размеренным ходом. Мария уже много лет ходила в храм, почти полгода пела на клиросе. Теперь, по прошествии лет, она стала замечать в себе, что во многом осталась прежней. В ней под строгой и даже печальной внешностью было скрыто столько веселья и озорства! И когда она чувствовала себя свободно от постороннего повышенного внимания, это веселье легко прорывалось наружу. А вместе с ней, как это всегда было и раньше, начинали веселиться остальные. Спевки в нижнем храме проходили тогда легко и весело. Регент снисходительно смотрела на эти забавы.

Близилось время окончания училища. Прошли слухи о Сашиной женитьбе. Сначала он приехал один. Совершенно неожиданно, как это бывало не раз, появился вдруг на клиросе, пару раз взглянул украдкой. Вот это, украдкой, только и сказало что-нибудь, во всём остальном он вёл себя безукоризненно, только был непривычно тих и неразговорчив, со всеми ровен, в разговоре со Светой – бойкой и симпатичной молодой певчей, с которой их связывало очень давнее, со школьной скамьи, знакомство, – вскользь заметил, что начались какие-то проблемы с сердцем. В остальном на клиро-

се всё шло, как обычно: регент ругала певчих, певчие дружно переговаривались, тенора по своему обыкновению шутили с альтами. «Ну, что альты, замёрзли?» – спрашивал Леонид Михайлович, когда после спевки в нижнем холодном храме перешли петь на клирос. – Можно потрогать? – он протянул обе свои руки и взял Машины руки. Шедший сзади с нотами тенор Владимир громко констатировал:

– Вот какая дружба! Альты лучшие друзья теноров!

Послышался дружный смех и шуточные комментарии. Саша молча стоял рядом и не участвовал в общем веселье. Пробыл он в этот раз совсем недолго, дня два. Его молчание и серьёзность были столь непривычными, тягостными, что, когда он перед отъездом последний раз был на клиросе, Маша сама спросила дружески: «Ну, что, поехал?», но он в ответ только сделал резкую недовольную гримасу. Вскоре он привёз Лену. Будущая жена оказалась спокойной, не очень симпатичной и не слишком юной, но милой, скромной и располагающей к себе. Говорили, что сразу после свадьбы его рукоположат в дьяконы и заберут в Таллинн. У Марины началась депрессия. Ксения оказалась умнее, она заранее вышла из игры и завязала знакомство с другим парнем – чтецом из маленькой церкви. Маше было искренне жаль Марину. Видимо, та испытывала к Саше нешуточные чувства и, введённая в заблуждение его вниманием, надеялась на что-

то до последнего. Теперь Марина приблизила к себе младшего брата Саши, Серёжу, и тот ходил за нею везде, как адъютант. Но и Лена только в первый день выглядела оживлённой, а потом стала грустной и озабоченной.

Вечером на спевке, пока другие готовили ноты, Маша и Ираида захлёб беседовали. Виделись они в основном в храме, и им всегда не хватало времени обо всём поговорить. Неожиданно в их разговор вмешалась Марина – резким и не свойственным ей тоном она сделала неуместное замечание.

– Слушай, Марина, что ты вмешиваешься в чужой разговор? – поинтересовалась Маша.

– Да что ты, Маша?! – воскликнула та так громко, что на минутку все обернулись к ним. – Мы же все из одного хора! Что, у нас тут объявилась такая священная корова Маша?!

Позже, уже в храме, когда перед службой ставили к иконам свечи, Марина подошла к ней и тихим, обычным своим голосом извинилась за бестактность. «Боже мой, какие страсти! – подумала Маша, – и всё из-за этого человека!»

Сам Саша стал замкнутым, суровым, начал к месту и не к месту проявлять характер. Из-за обиды на регента от-

казался прийти на службу, стоял один на нижнем клиросе, в то время как все певчие, в том числе и его молодая жена, пели наверху. «Сашка, Сашка!» – звала его Света комично-громким шёпотом, размахивая руками. Но он не обращал внимания. Это был сильный, упрямый характер, капризно противоречащий своим желаниям для того, чтобы сделать больно другому. Но больно в первую очередь было ему самому. Регент послала за ним чтецов:

– Пусть придёт сюда. Скажите, споём Чеснокова – последний раз. Мне нужны басы.

Наконец, он соизволил прийти к Херувимской. На нём была чёрная рубаха. До этого он почти всегда появлялся в белой. Его суровый вид и лицо без намёка на улыбку были достаточно красноречивы. Служба шла своим чередом. С молебна почти все певчие-женщины разбежались, сославшись на различные дела. Маша одна осталась в альтях. Он пришёл и стал рядом в альтовой партии. Маша почувствовала, что он мысленно прощается с нею. В это время Георгий вдруг произнёс:

– Иди, иди, помоги ей!

Саша не отозвался. А Машу неприятно поразило это замечание. Она сама не раз жалела Марину и удивлялась, как

безо всяких рассказов и слов, легко увидеть чужие чувства и чужую драму. Сама же она была уверена, что о её истории никто и не подозревает.

Вскоре после его отъезда ей приснился знаменательный сон: хоронили умершую, и процессия родственников в сопровождении священников и певчих медленно двигалась к кладбищу. В числе родственников умершей была одна странная женщина, которую окружили со всех сторон, точно скрывая её от незнакомых. Когда началось отпевание, выяснилось, что эта женщина – одержимая. Она находилась полусонном, полубессознательном состоянии, но с началом заупокойной службы вдруг выпрямилась и открыла глаза. Одновременно все присутствующие почувствовали давящую неприятную тяжесть, точно чья-то жестокая рука сжала сердце. Маша испугалась, но тут увидела, что среди церкви расхаживают светлые рыцари в серебряных доспехах. Один из них находился рядом с ней и сопровождал её повсюду. Несмотря на необычный наряд – серебристые доспехи и шлем, закрывающий лицо до самых бровей, – она легко узнала Сашу.

На Успение во время торжественного богослужения в Пюхтицком монастыре его рукоположили в дьяконы.

РАФАИЛ

повесть

Часть первая

И пошёл он искать человека и встретил Рафаила.

Это был Ангел, но он не знал

и сказал ему:

можешь ли ты идти со мной в Раги Мидийские

и знаешь ли эти места?

Ангел отвечал ему: могу идти с тобою и дорогу знаю.

Товит

Снова неудержимо потянуло в Пюхтицу – так хотелось оказаться в этом святом месте! В церкви во время молебна одна раба Божия подошла и сказала: «Людмила болеет. Может, отец Рафаил приедет, он сейчас в Пюхтице».

Отец Рафаил в Пюхтице. Вот оно что! Так случалось уже несколько раз: вдруг, внезапно, возникало сильное желание поехать в монастырь, а вслед за этим случайно узнавала от кого-нибудь, что отец Рафаил там. Что же это значит? Он точно зовёт её. Но она ведь ушла от него, а, выходит, какая-то связь осталась. Может, молится за неё? *Если молится, если хотя бы иногда поминает перед святым Престолом, то, может, это и есть самое главное? Может, ничего боль-*

ше и не нужно?

Когда выходили из храма после службы, Н. подошла к Елене, которая тоже попросилась к отцу Рафаилу в духовные чада, и спросила:

– Лена, ты с отцом Рафаилом видишься?

– Да, мы к нему и в лавру ездили.

– А он что-нибудь говорит?

– Нет.

– И что тогда? Зачем?

– Ну, он за нас молится.

Да, он молится, это правда. И, наверное, это и есть главное. Похоже, она всё-таки совершила ошибку. Иначе, почему так хочется поехать в монастырь? Так бы и полетела!

Перед воротами храма стоял автобус. Оказалось, везут в Пюхтицу детей воскресной школы, и места есть. И поехали. Хорошо было: искупались, погуляли по монастырю. Н. шла и думала: если он здесь, и если она должна вернуться, то, может, сейчас выйдет навстречу, она и скажет. Но никто не вышел.

Прошло немного времени. Отец Рафаил уехал. Н. защитила диплом и на следующее же утро укатила в монастырь. Кума Нина напросилась ехать вместе. Н. не возражала, но предупредила сразу: «Нина, я еду молиться. Разговаривать не буду. Вы сами по себе, я сама. Не обижайтесь». Нина не обиделась, и они поехали.

Странно, но за последние три года Н. помнила только тот свой приезд в Пюхтицу, когда она подошла к батюшке и сказала: не буду больше вашим чадом. А когда уезжала домой, он шёл навстречу и благословил в дорогу.

Как давно уже началась эта история...

Первый раз приехала в монастырь в конце марта 19** года крестить сына. Ему только-только исполнилось два года. Остановились в гостинице за двором. Было холодно, мокро. Ребёнок всё время писался, мать Параскева была недовольна, что не ушли на службу. В монастыре ей тогда не понравилось. Понравился только отец Димитрий, который крестил Владимира, запомнился его тёплый, любящий взгляд. Было трудно, душа не выдерживала обрушившихся скорбей, и она стала ездить в монастырь с сыном часто, несколько раз в год. Вскоре их тут уже хорошо знали: «А, отец Владимир приехал!» С этим «отцом Владимиром» вышло так: с рождения ребёнка называли Хабибом, после крещения Владимиром, но пока он привыкал к новому имени, называли Хабиб-Владимир. В монастыре одна матушка спросила: «Как тебя зовут?» и он ответил: «Хабиб-Владимир!» Та недослышала: «Как? Отец Владимир?! А я-то думала, ты просто Вовчик!» Так с тех пор и пошло. Вот только был ли уже тогда в монастыре отец Рафаил или нет, Н. не помнила.

Запомнился момент, когда она стояла к нему на исповедь,

хотела посоветоваться, что делать. Крестная сказала, что бабушка может ответить на вопросы, помочь. Н. стояла в очереди, думала о своей жизни, и вот, когда до бабушки оставалось один-два человека, вдруг начала неудержимо плакать. Так она не плакала ещё никогда. Прежде, чем позвать её к себе, отец Рафаил на несколько минут ушёл в алтарь. Потом она подошла, и, захлёбываясь от рыданий, рассказала ему своё горе: уже несколько лет не дают вида на жительство ни ей, ни сыну, который здесь родился. Работать без этого нельзя, учиться тоже не берут, да и сыну надо как-то жить, надо идти в школу. Отец Рафаил молча выслушал, почти ни о чём не спросил, но вот странно: когда Н. отошла от него, она почувствовала, что скорбь её куда-то ушла, что железная рука страха и отчаяния, которая сжимала её сердце все эти годы, вдруг ослабла. А во время молебна к Божией Матери она услышала, как отец Рафаил сам назвал её имя: «О скорбящей Надежде».

Вот и всё. Потом, в шесть лет, Владимир пошёл в первый класс в частную православную школу, куда его приняли пока без документов. В тот год они приезжали в монастырь на каждые каникулы.

Осенью в Пюхтице было необыкновенно тихо. В это время года они были почти единственными паломниками. Тогда останавливались уже на горке, у мать Макарии, где жил и отец Рафаил. Его келия была как раз над седьмой келией,

где они жили, и по ночам Надежда слышала мерный звук его поклонов. И от этих звуков ночной монашеской молитвы рождалось чувство спокойствия и уверенности: батюшка здесь, он молится, он вымолит! К тому времени в монастыре было уже много знакомых, и её, и сына знали по имени, радовались, когда приезжали. Особенно хорошо принимали мать Зиновия и мать Феодосия, которая помогала мать Макарии и тоже жила тогда на горке в крошечной келии возле лестницы на первом этаже. И зимой здесь было красиво: вечером, когда возвращались со службы, горели огоньки на ёлках, посаженных на улице под окнами. Снега было видимо-невидимо, как в сказке.

Вида на жительство не давали. Пришёл очередной отказ. Сил уже не было, но тут забрезжила надежда: суд. Одна женщина выиграла суд с департаментом гражданства и миграции, который работал точно, как нацистский карательный орган, и мучил огромное множество людей, попавших в тяжёлые обстоятельства, тех, кто, как и она, угодил между жерновами безжалостной государственной машины. И вот одной удалось прорваться! Для Надежды тоже составили иск, и она поехала за благословением в Пюхтицу.

Вечерню служил отец Димитрий, потом вышел благословлять народ. Н. подошла и изложила ему свою просьбу.
– Нет, нет, никаких судов, – замахал руками батюшка. –

Иди к иконе «Всех скорбящих Радосте» и молись.

Она отошла как громом поражённая. В первый момент не было даже слёз. Душа, хорошо наученная страданиями понимать веяние иного мира, ясно чувствовала, что это единственный шанс вернуться к нормальной жизни – и его нельзя упускать. Как она пережила ту ночь, лучше не вспоминать, а наутро в храм пришёл отец Рафаил и вышел исповедовать.

Снова повторилась та же история: подходя к батюшке, она начала давиться слезами, так что первые несколько минут просто не могла говорить. Он выслушал молча, глядя куда-то вдаль поверх её головы. Подумал немного (Н. сказала, что подходила к отцу Дмитрию, и что он ей ответил), а потом произнёс:

– В таком деле на суд я благословляю.

Спаси его, Господи, за то, что он так сказал!

Суда не было. Они с сыном приехали в Таллинн; в назначенное время вошла судья в шапочке и мантии, пришёл представитель от ДГМ; им дали переводчика, и вот через переводчика судья объявила им, что департамент уже принял решение выдать временный вид на жительство и ей, и сыну и обязуется в течение двух недель предоставить документы. Семь лет хождения по мукам были позади!

Летом во время очередного приезда в Пюхтицу в конце

литургии она увидела отца Рафаила, стоящего возле аналоя. Последний исповедник уже отошёл. Она быстро пересекла храм, подошла к батюшке, поздоровалась и сказала:

– Я хочу вас поблагодарить. Нам дали вид на жительство. Он улыбнулся.

Вскоре стало слышно, что отец Рафаил уехал на Афон. В монастыре вместо него появился отец Самуил. Он крестил её первого крестника Серафима.

В то время она уже начала молиться о даровании духовника. Душа подсказывала, что из всех знакомых священников на эту роль подходит только отец Рафаил, но он был на Афоне. Она решила попроситься к отцу Дмитрию. Обстоятельства складывались так, что она смогла узнать и батюшку, и матушку поближе, работала несколько раз у них на огороде, заслужила благодарность. Совсем решила попроситься в духовные чада, и батюшка этого уже ждал. Но в последний момент почему-то не сделала.

И тут узнала, что отец Рафаил в Троице-Сергиевой лавре и скоро собирается приехать в Пюхтицу, а по дороге заедет в Нарву. Старший брат её крестника Арсений учился в лавре на иконописца и знал отца Рафаила, вся их семья обращалась к нему за советом.

Н. написала и передала о. Рафаилу через Арсения письмо, где просилась в духовные чада. Вскоре Рафаил приехал

в Нарву, у Людмилы собрались женщины. Н. с мамой тоже пришли.

Беседа ей не особо понравилась, показалась совсем обыкновенной, но всё же в конце, набравшись смелости, подошла и спросила: «Батюшка, я вам писала. Вы возьмёте меня в духовные чада?»

Отец Рафаил отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Н. показала самой себе в его глазах маленькой, смешной и глупой, но была настроена решительно.

– А ты меня выдержишь? – спросил он.

– Выдержу, батюшка, выдержу! – горячо заверила она, ожидая, что он сейчас же назначит ей какое-то строгое правило, но отец Рафаил не прибавил больше ни слова. Вслед за Н. в духовные чада попросились и некоторые другие женщины.

Домой возвращались втроём: мама, Н. и её подруга Татьяна С.

– Вот, взял в духовные чада, и что теперь? – возмущалась дорогой мама.

– А знаешь, Надежда, – сказала Татьяна, – ему было приятно, когда ты к нему обратилась. Он так улыбнулся! Меня он просто взял, а тебя – не-ет.

– Конечно! Ему смешно на нас смотреть.

Спустя несколько дней новоиспечённые духовные чада

собрались к бабушке в Пюхтицу. Н. с мамой тоже поехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.